

в возмещение этого тягла патриаршество не может и не хочет защитить его от все возрастающего своеволия и произвола «дворян и людей боярских». «Попов и дьяконов по боярским и дворянским вотчинам в колоды и цепи сажают, бьют и от церкви отсылают»... Оппозиция против архиереев соединялась с оппозицией против дворян и бояр; сельское духовенство было тут солидарно с крестьянством не только в настроениях, но и в тактике: ...эта оппозиция иногда перерастала в прямое неповиновение начальству и даже бунт» (Никольский. История русской церкви, стр. 95—97). Среди городского духовенства оппозиция вылилась в другие, менее резкие формы, так как при бедном малочисленном посадском населении им не на кого было опереться. Здесь борьба идет путем обличения пороков всех христиан, начиная от епископа и кончая прихожанином. Такова была в половине XVII в. позиция протопопа Стефана Вонифатьева и его сторонников.

Все эти факты говорят о том, что критика существующих порядков в половине XVII в. не только не миновала духовное сословие, но наоборот чрезвычайно резко обнаружилась в той его части, которая от этих порядков сама сильно страдала. Как мы видели, эта критика по ходу вещей не могла ограничиться лишь осуждением своей церковной власти и ее распоряжений: дворяне и люди боярские были не менее ненавистны младшему духовенству, чем своя архиерейская власть. С другой стороны, падение правов одинаково обличалось и среди светских и среди духовных сословий, пороки тех и других уже были признаны, и следы этих обличений находим в литературных памятниках, авторами которых были несомненно представители младшего духовенства.

На этом фоне делается вполне возможным появление протеста против «царева кабака» в среде того же младшего духовенства. Ведь в вопросе о «хмельном питии» его интересы так же резко расходились с интересами высшего духовенства, как и в других экономических и правовых вопросах.

Одним кабаком был выгоден как доходная привилегия, других он разорял; одни и дома могли в любой момент доставить себе удовольствие выпить по желанию, другие обязаны были для этого идти в кабак, где так легко было «сотворить с плеч возношение платью» и «не мотчи ся удержати пропити». Младшее духовенство, идеологически, как мы видели выше, оставаясь на стороне той «тяглой» массы, которая пропивалась на кабаке, продолжая говорить ее языком, в то же время по профессии знало и книжный язык и богослужебную книгу. Есть основание думать, что именно из него и вышел автор «службы кабаку», особенно резко осудивший среди